

В. Хорнунг

Дахау

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Хорнунг**
Дахау / В. Хорнунг – М.: Книга по Требованию, 2023. – 416 с.

ISBN 978-5-458-24748-1

Эта хроника дает полную и правдивую картину самого большого концентрационного лагеря гитлеровской Германии, лагеря в Дахау, организация которого послужила образцом для всех других лагерей. Правда о системе террора страшна, не вина поэтому автора, что правда о лагере Дахау тоже страшна. Ужасы пережитой действительности порой даже затрудняли описание, ибо тяжело восставать против страны, где родился, как тяжело обвинять собственную мать; однако в конечном итоге решать должна совесть. В хронике описано лишь то, что фактически имело место, но, поскольку мстительное правосудие коричневых рубаш работает и сейчас, оказалось необходимым местами прибегнуть к вымышленным именам. Это не умалило исторической верности общей картины. Приведенные попутно суждения должны дать представление о чувствах заключенных. В пережитом Гансом Фирнером и его товарищами по несчастью отразилась судьба несчетного числа немецких рабочих

ISBN 978-5-458-24748-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Благо человеку, чье сердце радуется и укрепляет вид процветающей родины! Когда мне напоминают о моей, мне кажется, что я попал в болото, что крышка гроба захлопнулась надо мной...

Фридрих Хельдерлин.

МНЕ НЕ ПРАВИТСЯ ВАШ НОС

Так началась для Ганса Фирнера Третья империя. Взбодренный впечатлениями от созванного в провинции совещания руководителей, он сел в ночной поезд на Мюнхен и дорогой узнал, что баварское правительство, вопреки своим заявлениям, отнюдь не велело арестовать на границе гитлеровского комиссара, и тот, водворившись в стране, на глазах у правительства безнаказанно вел день и ночь свою политическую подрывную работу, хотя ничего не было легче, как захватить его вместе с его выводком бунтовщиков в мюнхенском Коричневом доме.

Фирнер купил утреннюю газету и заказал чашку кофе в вокзальном буфете. Медленно потягивая горячий напиток, он, преодолев тоскливое настроение, пришел в некоторое равновесие.

Время от времени он отрывался от газеты и оглядывался по сторонам. Вокруг царило типичное для ресторана в утренние часы серое и сонное настроение похмелья. Два-три пассажира сидели за кофе, погруженные в чтение утренних газет. Невыспавшийся кельнер стоял у буфета, с металлическими украшениями которого возилась молодая

особа женского пола; она тихонько напевала деревенскую песенку. В коридоре хрипло выкрикивала свой товар продавщица газет.

Вот из соседнего зала вошли в среднюю дверь четыре долговязые черные фигуры с поднятыми воротниками, с винтовками через плечо, с револьверами у пояса. Резко выделялись красные повязки со свастикой. Шапки с черепом вместо кокарды были надеты набекрень.

Фирнер постарался прежде всего отделаться от навязчивого представления: нет, это не казаки, это охранники. Они обходили все столики, всматривались в лица, бросали грозные взгляды, требовали предъявления документов.

Они остановились перед Фирнером:

— Удостоверение!

Фирнер поднял глаза, будто не совсем понимая, в чем дело; он чуть было не полез в боковой карман, но спохватился и ответил раздраженно, с подчеркнуто-баварским акцентом:

— Нет у меня такого!

Старший этим не удовлетворился и сказал сердито:

— Должен же у вас быть какой-нибудь документ!

Фирнер продолжал сидеть как каменный. Нет у него никакого документа. До сих пор ему, как немцу, у себя в стране документа не требовалось. Три черные фигуры, колеблясь и не зная как быть, собирались уже проследовать дальше, но

говоривший с Фирнером курносый парень с вырывающимися красными глазками еще раз внимательно воззрился на него и прокаркал:

— Вы еврей?

— Почему? — вскинулся Фирнер.

— Ваш нос мне не нравится!..

Фирнер ответил не сразу. Да, в лице у него имелся несколько преувеличенный выступ. Наконец он сказал очень спокойно:

— Я не еврей, а что до моего носа, то он мне и самому не нравится!

На это парни глупо загоготали и отошли. Но говоривший обернулся еще раз и, перехватив, должно быть, не совсем ласковый взгляд Фирнера, крикнул:

— Коли тебе что не по вкусу, можешь нам сказать, мы мигом...

Но Фирнер уже снова занялся своей газетой и ничего не ответил. Многообещающее начало, нечего сказать! И отлично вяжется с цветистыми фразами газеты, где так и кишат громкие слова: „Подъем! Взмет! Возрождение нации! Конец годам позора!“

Он расплатился и вышел.

Трамваи свозили рабочих с окраин в центр; деловые улицы заполнялись народом. Попадались отдельные кучки спорящих людей; ощущалась нервная, подавленная атмосфера.

У восточного входа в здание суда посты были удвоены: штурмовики и штальгельмовцы. Часовые оглядывали входивших; подозрительным казался каждый, кто имел в руках портфель.

К дверям подошел белокурый мужчина с ленточкой Железного креста в петлице, еврей-адвокат. Ни одна душа не заподозрила бы в нем семита.

Вслед за ним просеменил его коллега, темно-волосый, с крючковатым носом; он улыбался заискивающе, но солдат наци преградил ему дорогу:

— Евреям вход запрещен!

Маленький адвокат словно с неба свалился. Но тут его потрепал по плечу коллега в мантии:

— Уважаемый! С такой физиономией, как ваша, я не стал бы на люди показываться!

Маленький еврей приподнял шляпу, повернул и крепче зажал портфель подмышкой. Часовые смеялись ему вслед.

Через Карлстор — украшенные флагами ворота — Фирнер не спеша направился на Мариенплац.

На башне ратуши, так же как и на воротах, развевались рядышком черно-желто-красные флаги и с иголочки новые флаги со свастикой.

Он остановился на одном из перекрестков. Такие же, как он, прохожие подходили и проходили: служащие, торговцы, рабочие, ученики. В толпу затесался газетчик, старавшийся распро-

дать свои газеты. Старик в одежде рабочего говорил о событиях прошедшего вечера.

Началось с того, что у правительственных зданий появились коричневые рубахи и под аккомпанемент труб и барабанов подняли свое знамя! Через короткий промежуток времени промаршировал небольшой отряд „Стального шлема“ и повторил тот же военный спектакль с черно-желто-красным флагом.

— Больно уж коричневые спешили вывесить свой флаг, штальгельмовцы едва успели за ними!

— Теперь нас станут обращать в пруссачью веру, — сказал типичный мюнхенец. — Продали нас и предали. Конец нашей Баварии!

— Это почему? — вмешался пискливый голос. Человек был высокий, белокурый и голубоглазый. Что он родом из мест, расположенных севернее Майна, в этом не могло быть сомненья. Не вводили в заблуждение ни грубошерстная куртка, ни зеленая шляпа. — Мы ведь все стоим за единство немцев!

Слова эти не встретили того горячего сочувствия, на которое рассчитывал белокурый господин из Пруссии. Он даже поймал несколько враждебных взглядов, а рабочий проворчал, уходя:

— Как же! Как же! Мы еще посмотрим, господин сосед!

Пробираясь дальше, Фирнер поровнялся с человеком, озабоченным судьбой своей Баварии, и тот шепнул ему:

— Вы поглядите, что сделали с рабочими газетами на Альтеймереке. Видите, как гитлеровцы там похозяйничали? В „Прямом пути“ все разорили, а редактора Герлиха избили и увели. Так и берут и берут людей.

С крыши здания редакции свешивался флаг со свастикой; у ворот еще валялись обугленные остатки сожженных целыми горами газет; окна были выбиты. Насколько можно было заглянуть с улицы в нижние помещения, там тоже все было опустошено. Из-под флага еще выглядывала надпись красными буквами: „Мюнхнер Пост. Еженедельник. Бавария“.

Перед домом бродил рабочий-печатник, в одну ночь превратившийся в безработного. Хозяин типографии рассказал ему, что наборные машины разнесены на куски. Ротационные машины были пущены в ход, и в колеса заложены железные прутья; шестерни разлетелись. Водопроводные краны были сбиты, и вода залила лестницы, машинное отделение, двор. От мебели во всех помещениях, даже в частной квартире директора, остались только обломки и клочья. Пощадили одну лишь кухню: в ней пировали по случаю одержанной победы.

Фирнер проездом видел, как „завоеватели“ прохаживались взад и вперед в подворотне с винтовками через плечо.

Он направился к Дому профсоюзов. Мимо него промчался большой полицейский автомобиль с пар-

тией арестованных: там были и молодые люди, и седовласые мужчины, и женщины.

На лицах прохожих отразилось смущение. Они явно еще не отдавали себе отчета во всем значении того, что произошло и происходит.

Фирнер еще издали увидел развевающееся на фронтоне победное знамя; проход по улице мимо здания был закрыт. С Фирнером вдруг поровнялся Сепп Гримингер, его старший коллега. Он положил тяжелую руку Фирнеру на плечо. Его желчное лицо стало еще мрачнее:

— Будь доволен, что тебя здесь не было вчера! В полдень было объявлено, что дом станут защищать, что баварское правительство организует сопротивление. Наши рейхсбаннеровцы заняли дом.¹ После полудня явилась полиция и преградила доступ на улицу. Мы решили, что нам сейчас подвезут оружие. Но полицейский отряд исчез так же внезапно, как появился.

Товарищи рейхсбаннеровцы сердились и ругались, что им предлагают капитулировать без боя. Но все-таки послушались, сложили свой скромный запас оружия и ушли в зал. Тогда явился отряд штурмовиков, имевший огромный численный перевес, вступил в дом и гарантировал защитникам

¹ Союз рейхсбаннеровцев - военного типа организация бывших фронтовиков-социалистов, находившаяся под руководством социалистической партии наподобие Союза красных фронтовиков, которым руководила Коммунистическая партия Германии.

свободное отступление. Им пришлось пройти с поднятыми вверх руками сквозь строй штурмовиков, вооруженных дубинками. После этого победители водрузили свой флаг и расположились по-домашнему, причем начали с того, что приспособили подвал для избиений.

Фирнер выслушал его молча.

— Почему же не был дан сигнал к общей забастовке?—спросил он наконец.—Рабочие ожидали сигнала, чтоб оказать сопротивление, а руководство, вместо того чтобы дать этот сигнал, ждало обещанной помощи со стороны буржуазного правительства. А беспомощное правительство сначала рассчитывало на чудо, затем капитулировало, впустило врага в крепость и, вероятно, продолжало надеяться, что победитель окажется милостивым.

Гримингер не возражал. Он должен был сознаться, что такова точка зрения большинства рабочих.

— За этот час бездействия нам придется когда-нибудь горько расплачиваться,—сказал Фирнер.

Они прошли еще некоторое время молча бок-о-бок, потом Фирнер распрощался и повернул обратно к центру города. Полным ходом пролетела мимо него еще одна машина с арестованными.

Толпа любопытных шла мимо разгромленного дома рабочей газеты. Не слышно было ни возгласов „Хайль Гитлер!“, ни криков ликования. Молча стояли прохожие и смотрели на разгром.

Без слов шли они дальше своим путем, когда хорошо вооруженные штурмовики предлагали разойтись.

В центре города торговые и прочие учреждения уже начали подчеркивать свой национальный образ мыслей, — они вывешивали модный коричневый цвет. Специальные магазины готовили флаги, продавцы выставляли на прилавки свежее-отпечатанные открытки с изображением руководящих „чистокровных арийцев“. Книготорговцы вытаскивали с задних полок до сих пор стыдливо прятавшуюся литературу свастики: выставлялся на видное место солист — „Моя борьба“ Гитлера.

Улицы наводняли коричневые колонны, словно спустившиеся вниз грозовые тучи, из недр которых, как мрачные громовые раскаты, неслись звуки марша, распевавшегося во все горло.

Уличная толпа была глубоко подавлена; молчаливые и недоверчивые, как путешественники в чужой стране, сидели люди в трамваях.

Националистический паровой каток прошелся по всей стране. Загнанное внутрь патриотическое воодушевление бюргеров сменилось трусливым бегством от действительности. Разве не приятнее было зарыться головой в песок и шептать друг другу в тесном кружке: „Наци сами подожгли рейхстаг! Я это знаю из вернейших, самых национально-германских источников. Но, прошу вас, строжайшая тайна! На меня отнюдь не ссылаться!“

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Между высокими, густо населенными домами периферии скромно зеленела полоса небольших садилов и лужаек. Вдоль заборов росло много бузины; ее голые, жесткие прутья тянулись вверх в прозрачном весеннем воздухе.

Посреди этого оазиса стоял Дом социалистической молодежи—длинное, низкое здание, в прошлом — строительный барак, которому практическая сметка рабочего человека сообщила известный уют и снаружи и внутри. На высоком шесте перед Домом развевался флаг—красный со свастикой. Вчера еще там висел черно-красно-золотой флаг.

Вчера еще в скромном зале собраний Дома сидела рабочая молодежь — юноши и девушки — за книгами, перед шахматными досками.

Вдруг подкатил большой грузовик, наполненный вооруженными штурмовиками; они выскочили и с диким ревом ворвались в зал, словно беря приступом крепость. С винтовками наперевес, загнали они в угол юношей и девушек, которые, в ужасе, растерянно смотрели на это нашествие дикарей.

Штурмовики сдвинули столы и стулья, образовав баррикаду между собой и загнанными в угол. На одном из столов еще лежала раскрытая книга. Старший схватил ее, посмотрел заглавие, швырнул в угол.